

УДК 159.9

О Володе Панфёрове (Воспоминания и заметки к юбилею, 2019 г.)

Л. Риквуд^{✉1}

¹Плимутский университет, PL4 8AA, Великобритания, Девон, Плимут, Дрейк Серкус

Сведения об авторе

Людмила Риквуд, e-mail: r.ludmilla@hotmail.com

Для цитирования: Риквуд, Л. (2019) О Володе Панфёрове (Воспоминания и заметки к юбилею, 2019 г.). *Психология человека в образовании*, т. 1, № 3, с. 315–317.

Получена 28 июня 2019; принята 28 июня 2019.

Права: © Автор (2019). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

About Volodya Panferov (Memoirs and notes for the anniversary, 2019)

L. Rickwood^{✉1}

¹University of Plymouth, Drake Circus, Plymouth, Devon PL4 8AA, United Kingdom

Author

Ludmilla Rickwood, e-mail: r.ludmilla@hotmail.com

For citation: Rickwood, L. (2019) About Volodya Panferov (Memoirs and notes for the anniversary, 2019). *Psychology in Education*, vol. 1, no. 3, pp. 315–317.

Received 28 June 2019; accepted 28 June 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Профессор Ананьев, человек, которого глубоко уважала наша небольшая группа студентов-психологов при философском факультете ЛГУ, предложил Володе и мне делать общую дипломную работу по теме, которую ему, оказывается, задали ленинградские криминалисты: насколько достоверны свидетельские показания при каком-либо происшествии, например, насколько свидетели точны при описании черт человеческого лица и какие черты лица они воспринимают наиболее ошибочно.

Наверное, это в основном и определило профессиональный выбор нас обоих. После определенного промежутка времени Володя стал преподавать социальную психологию в Петербурге, а я, по воле судьбы, на факультете психологии Плимутского университета в Англии.

Социальная психология — большая отрасль психологии со многими философски сложными концепциями, значение которых часто трудно так сразу понять, не зная их эпистемологической предыстории. Приезжая домой в отпуск, я часто бежала к Володе, чтобы обсудить с ним тот или иной вопрос, нужный мне для лекций, часто только за неделю-две до начала моей осенней учебной сессии! Один раз, например, Володя мне предложил, как понятно объяснить первокурсникам в контексте социальной психологии знаменитое гештальтское положение о том, что «сумма частей не равна целому». В другой раз он провел битый час, объясняя мне, что именно Соломон Аш, американский социальный психолог, имел в виду, говоря о «центральности» черт личности при восприятии человека

человеком. Володя знал всё, что ни спроси, — есть же такие люди!

А один раз я пришла к Володе со своим приятелем-социологом из того же университета. Английские социологи — смешной народ. Они вечно упрекают нас, социальных психологов, что мы, мол, уделяем слишком много внимания тщательности проведения экспериментальных методов и из-за этого часто упускаем из виду реальную «суть дела». Обсуждая что-то, Володя достал с книжной полки книгу, полистал ее, нашел нужное место и поставил книгу обратно. Мой приятель потом долго любил вспоминать Володину манеру обращения с книгой, говоря мне: «Вот, я видел настоящего ученого!».

Володя, как я знаю, как раз из тех психологов, которые не упускают из виду «суть дела». Он мне часто говорил, что цель его работы — сделать достижения социальной психологии как науки непосредственно полезными в практике, а именно в сфере педагогической образовательной деятельности. А это непростая задача. Не потому, что социальная психология не имеет достижений. Они есть, и их много, и я с гордостью должна заметить, что эти достижения часто прямо или косвенно питают другие, смежные отрасли психологии, их исследования или трактовку результатов: например, детскую и возрастную психологию, клиническую (медицинскую) психологию, психологию взаимодействия человека с окружающей средой (*environmental psychology*) и многие другие, часто ту же социологию. Трудность же задачи заключается в следующем: как, объясняя достижения психологии, объяснить при этом нашим энергичным студентам, что нельзя использовать эти достижения как неоспоримые «рецепты» для поведения, как бы этого им ни хотелось для легкости, почему необходимо всегда думать также о валидности существующих экспериментальных данных, на которые полагаются эти достижения, почему, наконец, надо использовать также и огромную долю здравого смысла при любом применении научных социально-психологических достижений к жизненной практике.

Решение этой задачи, кажется, становится все более насущным при все большем многогранном развитии социальной психологии. Я теперь дожила до статуса «пожизненного» члена Британского психологического общества (BPS), то есть теперь я получаю бесплатно каждый месяц его собственную публикацию — журнал *The Psychologist* (не путать с журналом *Psychology Today*, который везде продается у нас в киосках в Петербурге!). Я знаю из этой публикации, что членов BPS часто волнует именно

эта задача — как сделать психологические исследования более отзывчивыми на непосредственные нужды общества и как в то же время предупредить вредное упрощение значения полученных данных, вплоть до их понимания как «рецепты», которое нередко встречается не только среди населения, но и в некоторых профессиональных областях.

Эта задача, очевидно, тем более трудна, что уходит корнями в эффективность общего образования. Кто из нас, психологов, не встречался с ситуацией, когда, называя свою профессию при знакомстве, немедленно слышишь вопрос: «А! Тогда скажи, о чем я сейчас думаю»? А как часто я встречаю в газетах, российских и зарубежных, под рубрикой «наука» сообщения, что черты характера, например «неуверенность в себе», можно определить по позе человека во время сна. Более серьезно, кто из нас не встречался в публикациях или на конференциях с такими утверждениями, что если измеряемый IQ ниже у какой-либо одной человеческой расы, чем у другой, то первая глупее второй? Увы, можно привести еще много примеров, когда достижения психологии упрощаются до степени искажения при их практическом применении.

Социальная психология по своей природе несет особенную ответственность за решение этой задачи, и не только за себя, но и за смежные области, которые, как я упомянула выше, полагаются на ее достижения в своих интересах. Но немногие психологи имеют возможность, а может быть, и смелость взяться за эту задачу напрямую, в лоб. А вот Володя, как я знаю, взялся, взялся намеренно с открытыми глазами и обеими руками. Я знаю, как он старается в своих лекциях подробно и четко разъяснить студентам, например, разные отечественные и зарубежные, иногда весьма туманные, но популярные концепции, которыми — на радость или горе, как говорится, — так богата именно наша область психологии; как он упорно учит студентов если не любить, то понимать и уважать статистические методы обработки данных как единственный определитель валидности этих данных, особенно когда наша философия и наш здравый смысл нас подводят; как, более того, неизменно учит студентов трудному искусству распознавать в публикациях — газетных и не только — например, фрейдистские нюансы или присутствие неправомысленных амбиций тех исследователей, которые вдруг забывают всем известную формулу: что «корреляция — не причинная связь». Увы, как нередко у нас в социальной психологии и в смежных областях

ошибочные и опасные для практики — обычно подспудные, но иногда и явные — утверждения при трактовке полученных результатов исследований, когда игнорируется эта золотая формула! Наш преподаватель психологии в Канаде любил говорить: «Не забывают! Количество проституток в Гаване высоко коррелирует с продукцией пшеницы в Огайо, но вряд ли одно причиняет другое». Володя, я подозреваю, изъясняется более элегантно, но суть одна. Настоящий ученый, как называл его мой приятель-социолог и назову и я, он всегда стоит на страже настоящих достижений социальной психологии как науки и в своей исследовательской работе, и в своей преподавательской деятельности. Да это, может, и неудивительно. Володя всегда мне говорил, что считает себя прямым учени-

ком нашего великого и любимого профессора Ананьева.

В то же время я с удовольствием отмечу, что в повседневной жизни Володя имеет великолепную способность замечать смешное и смеяться заразительно, во весь рот, способность от души радоваться чему-то веселому, но в то же время он умеет внимательно слушать печальные и длинные рассказы других, не перебивая их и не отмахиваясь, как многие делают в таких случаях, а наоборот, стараясь помочь советом или мнением. Одним словом, не только настоящий ученый, но и настоящий интеллигент, лучше не скажешь. Мне повезло, что я могу считать Володю в числе своих друзей, и я счастлива от души поздравить его с замечательным юбилеем!